

Алексей Морозов

A photograph of a city skyline at sunset. In the foreground, a dark, textured wall or barrier is visible. A white rectangular sign is attached to the wall, featuring the Russian text "НЕ УЙДЕШЬ ДАЛЕКО, ГОСПОДИ...". The background shows several tall skyscrapers under a golden, hazy sky. The overall mood is contemplative and urban.

НЕ УЙДЕШЬ
ДАЛЕКО,
ГОСПОДИ...

рассказы

Алексей Морозов
Не уйдешь далеко,
господи... Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349489

ISBN 9785448593253

Аннотация

В этой жизни может произойти абсолютно все и с кем угодно. Здесь истории о нас и о людях, которых мы встречаем каждый день. О тех, о ком мы, казалось бы, все знаем, но иногда даже понятия не имеем, насколько мы ошибаемся. В начале и в финале книги живут два стихотворения: пролог и эпилог. Но иногда точку, наверное, ставить все-таки не нужно – кто его знает, как оно пойдет и в какую сторону. Любые совпадения случайны. Спасибо за то, что не прошли мимо. И берегите себя и тех, кто вам дорог.

Содержание

Там, за окном	5
По божьей воле	6
Игрушечное сердце	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Не уйдешь
далеко, господи...
Рассказы**

Алексей Морозов

Фотограф А. Морозов

© Алексей Морозов, 2017

© А. Морозов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-9325-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там, за окном

*не совпадаешь по параметрам
ручной работы вечный брак
и бродишь по чужим фундаментам,
и ищешь где-то свой барак*

*там за окном, разбитым камешком,
вполне возможно, ждут тебя
любого, даже с рваным краешком,
на шее крестик теребя*

© ам

По божьей воле

Илья Никодимыч недолго приглядывался к Яшке, но всякий раз – с пристрастием. Как видел, так взгляд оторвать уже не мог. Или не хотел, но более склонялся к первому, дая себе оправдания, в которых не было недостатка у людей его сословия. Многое прощал себе: и то, что жену в упор десять лет не видел, и то, что якобы мысли, посещавшие его, были не дурными, а, скорее, особенными, наделенными отчасти приятностями, отчасти сомнениями. Не очень хорошее в силу возраста самочувствие тоже давало о себе знать, и раздражительность в отношении домашних Илья Никодимыч малодушно списывал на краткие боли в правом боку и духоту. А тут сын Владимир еще заявил, что хочет уехать в город, и Илья Никодимыч чуть не огрел его за такие мысли подсвечником, который в тот момент решил переставить со стола на подоконник, но сдержался. Надежды на то, что его кровиночка, сынуля, мужик останется в отчем доме на хозяйстве, не осталось. Дочь в расчет не бралась, потому что иной судьбы, кроме как быть выданной замуж за кого-то слепого и при деньгах, явно не имела. Илья Никодимыч понимал, что, в принципе, сам не может представить сына на своем же месте – не подходило это ему, никак не подходило. Иностраннные языки, которым обучила его мать, основы геометрии, географии, физики, истории и других наук

вдруг превратили молчаливого подростка в человека решительного и целеустремленного. Он хотел поумнеть еще больше, а управлять усадьбой его не тянуло. Самое неприятное, что и мать оказалась на его стороне, сказав, что снабдит сына деньгами и парой писем, которые он должен будет передать ее крестному в Москве, то есть обеспечила сыну хоть какую-то крышу над головой на первых порах в большом городе

Все это расстроило Илью Никодимыча так сильно, что он стал мучиться мигренями, которые были следствием неумеренных ежевечерних возлияний. Он перестал разговаривать с сыном, с дочерью, обращать внимание на жену, а супружеское ложе презрел громко и величественно, сказав жене, что дети, зачатые на нем, получают со странностями.

И тут вдруг Яшка. Двадцатилетний сын одного из крестьян, служившего конюхом у Ильи Никодимыча. Тут поднести, там подвалить, здесь подчистить – работа обычная и повседневная, но никто до Яшки не имел чести завладеть таким вниманием барина. Никто и никогда.

Найдя новый смысл в своем ужасном существовании, Илья Никодимыч воспрял духом и снова захотел жить. На что он надеялся, он и сам толком не понимал, но домашние и прислуга стали смотреть на него искоса, потому что поведением он, на их коллективный взгляд, двинулся в сторону легкого помешательства.

Не видя себя глазами других, Илья Никодимыч парил

над землей, оставив на ней ничего не понимающих людей. Там, куда уносили его мягкие мечты, были только они с Яшкой, и занимались они там чем-то непонятным, но, безусловно, приятственным. Как только Илью Никодимыча начинало осенять, а перед глазами вставали картинки совместного с Яшкой разврата, он млел и чуть не плакал, а поначалу даже неистово крестился после, когда приходил в себя. Но время шло, мечты оставались мечтами, и стареющий барин сделал вывод, что то, что ему кажется, плохим быть не может. Возможно, только таким образом человек становится самим собой, испытывает то, что в настоящей жизни никогда не изведает, а то, что из фантазий не прихватишь сувениров, так то вовсе не беда, а состояние, которое вполне легко поправить. Надо только закрыться в комнате, окна которой выходят на конюшню, поплотнее задернуть занавесочки, не забыв оставить щелочку, через которую можно будет видеть Яшку, приспустить подштанники, да приготовить салфетку, рюмку водки и огурчик, чтобы после отпраздновать.

Он неоднократно задавал себе вопросы, ответы на которые так и не нашел. Воистину, почему вдруг какой-то молодой человек, слуга и уборщик, так сильно завладел вниманием своего работодателя? Ничего особенного в нем ведь не было, но в то же время, он был самым прекрасным. Ни особенных мускулов, ни сильно уж заразительного смеха, ни ясного взгляда, ничего такого, что воспевают поэты, в нем не было. Высокого роста, с прямой спиной, с непонятного

цвета прической, он целыми сутками то выгонял лошадей на пастбище, то чистил их, выведя на солнышко, пучком колкой соломы, с трудом уместившейся в его руке. В какой момент Илья Никодимыч почувствовал, что его сердце начинает при виде Яшки трепыхаться сильнее обычного, а после стремительно ухает куда-то в живот, одаря внутренности теплом и желанием. Вспоминая эти забытые, но такие знакомые ощущения, сначала он очень пугался, бежал к иконам, пугая жену, падал на колени и вымаливал у Господа Бога ответов на свои скромные вопросы, и прощения. После перестал, решив, что Богу знать о таких внутренних порывах вовсе не обязательно. Если он действительно Бог, значит, все знает сам. Если знает, что толку ему говорить об этом? Если допустил такое, получается, хотел, чтобы Илья Никодимыч испытал это в своей жизни? А если хотел, то зачем теперь отнимать? В искушение, что ли, дал? А зачем? Что хотел он доказать Илье Никодимычу? Удостовериться в том, что тот конченный грешник? Смысл? И Илья Никодимыч перестал молиться, хоть и продолжал верить в Бога на Пасху, Рождество и на родительские субботы.

Сын заявился во время обеда. Илья Никодимыч как раз намазывал кусок хлеба сливочным маслом, чтобы отправить его прямиком в рот, в дальнейшее плавание по алым волнам свежесваренного борща, аромат которого колом стоял во всем доме. На столе была только одна тарелка – жена и дети уже

давно не садились за стол вместе с главой семейства, а ели кто что хотели, и тогда, когда хотели. Так что, увидев сына на пороге комнаты, Илья Никодимыч не предложил ему присесть и отведать – тот мог быть вполне уже сыт.

– Разреши войти? – вежливо попросил сын, не заходя вглубь комнаты. Илья Никодимыч кивнул. Его кивок был расценен правильно – сын сделал пару шагов вперед, чтобы оказаться в поле зрения отца, сидевшего спиной к входу.

– Что тебе нужно?

– Завтра я уезжаю, папа. Мы мало видимся, ты постоянно занят. Кажется, у меня не будет возможности попрощаться потом, поэтому я решил сейчас. Извини, я не знал, что ты обедаешь.

– Ничего страшного.

В душе у Ильи Никодимыча шевельнулась та, что считалась уснувшей навеки – отцовская любовь. Слабенько вздрогнула, и еще сильнее свернулась костлявым калачиком в самом дальнем уголке истерзанной Ильи Никодимыча души. Он вспомнил, как целовал своего новорожденного ребенка в малюсенькую попку и махонькие пяточки, как потрясал младенцем над кроватью, на которой утопала в перине измученная роженица, его жена. Роды были тяжелыми, ребенок запаздывал, повитуха испуганно советовала бечь к бабюшке, будить и тащить его сюда для того, чтобы успел исповедать. Они тогда уже почти решились вызвать врача из города, хоть и понимали, что, скорее всего, опоздают, но все

вдруг разрешилось хорошо, быстро и правильно, никто так и не понял, откуда были такие мучения.

– Мужика родила! Мужика! – плакал Илья Никодимыч, стоя на коленях около изголовья постели, понимая, что опасность миновала, и, веря в то, что теперь ему под силу Гималаи в рогалик свернуть. Тогда он любовался своим мальчиком, словно такого чуда никто не свете больше не видел, а держать его в руках вообще не держал. Придирчиво рассматривая малыша, молодой и симпатичный тогда Илья Никодимыч с удовольствием отмечал, что все у него получилось: пальчиков везде ровное и предсказуемое количество, голос громкий, резкий, тон начальственный, а мужское достоинство – вот оно, настоящее, в полной комплектации, на положенном ему месте и нормального размера. Да какое там нормального. Небывалого размера, а как же иначе!..

Все это было в прошлом. Теперь перед отцом стоял молодой мужчина, отдаленно напомилавший ему об их родстве.

– Говори, – разрешил Илья Никодимыч.

– Я буду краток, папа. Мне жаль.

– Чего же тебе жаль? – несмешливо спросил Илья Никодимыч. – Или кого?

– Жаль, что мы так мало разговаривали, – тихо произнес сын. – Я скучал, между прочим.

Отец скорбно склонил голову набок. Хотелось бы ему, конечно, обнять своего ребенка, ведь не на прогулку в поле идет. Все может быть теперь. Возможно, увидятся не скоро.

Но борщ... он призывал, манил резковатым сладким запахом, а справа от тарелки с хлебом изумрудно поблескивал острыми короткими веточками только что вымытый укроп, а в середине тарелки, утонув краями в рыжих кружочках жира, белело девственное сметанное сердце.

– И мне жаль, – наконец, произнес он, понимая, что иногда отвечать надо вопреки, а не честно. Но сказав это, почувствовал, насколько фальшиво прозвучали его слова. Не то он хотел сказать, не то хотел услышать тот, кто стоял неподалеку.

Сын молчал. Илья Никодимыч смотрел в тарелку, не зная, как и о чем продолжать.

– Я поеду на рассвете, – сказал Владимир.

– На ком же ты поедешь? – встрепенулся Илья Никодимыч.

– Лошадь возьму. На станции оставлю, а потом пришли кого-то ее оттуда забрать.

– На лошади? А ты не забыл, как ездить-то верхом?

– Нет, я помню, конечно.

– Ну и ладно.

– Спасибо, папа.

– Не благодари. Истинная твоя благодарность будет для меня в другом, но ты решил по-своему, даже не посоветовавшись.

– Я бы не хотел, папа...

– Иди с богом.

Сын быстро покинул комнату. Илья Никодимыч повалился ложкой в остывшем борще, а потом понял, что радости по этому поводу уже не испытывает.

Стоя у крыльца, он смотрел на Яшку, который ходил туда-сюда по двору, и вчитывался в себя. Исследуя свое внутреннее состояние, он пришел к выводу, что все не так уж и плохо. Сын, несомненно, огорчил, так как не оправдал. Но его будущее, совершенно чуждое Илье Никодимычу, это его будущее, и, если честно, не такое уж оно, возможно, и плохое, хоть и абсолютно бесполезное. Илья Никодимыч, как истинный обыватель, всегда свысока поглядывал на жену и сына, занимавшихся, по его мнению, полнейшей ерундой.

– Что за лай собачий?

– Это немецкий язык, папа.

– И зачем он?

– Это очень красивый язык.

– И зачем он тебе?

– Чтобы читать немецких поэтов на их родном языке.

– Да зачем тебе это надо, объясни?

Сын объяснить не мог, жена молча внимала их диалогу, а дочь, как и отец, не проникшаяся к Шиллеру симпатией, пустым взглядом смотрела на горизонт. Она не стремилась к такому, и, как ни старалась ее мать, каких только не приводила к ней учителей, все как один твердили о том, что девушка слишком невнимательная и не сильна в науках. Ни в ка-

ких. Не интересно ей до зевоты. И если уж у матери не получилось ее заинтересовать чем-то, а кто, как не мать, лучше знает своего ребенка, то они уж точно не смогут. Поэтому, может быть, остановиться на том, что уже есть, тем более что возраст ее скоро станет разрешенным для замужества?

И хоть кто-то из детей не спешил покидать дом, но в такие моменты Илья Никодимыч ненавидел свою семью. В его понятии все было просто: человек должен уметь считать, писать и читать. На родном языке и только свое, а позже, если надо будет, и чужое приложится. Без Шиллера, без всего этого непонятного бормотания, которым супруга и сын увлекаются, как он считал, без меры.

Сам же глава семейства неучем себя не считал. Он обо-жал гармонь, которая своими щенячьими звуками чертила в его душе неровные полосы, болевшие потом воспоминаниями о собственном детстве. И лучше этого вот поля да неглубокой чистой речки за домом не было для него ничего. И как бы стремительно и зазывно не раскручивались перед ним заморские глобусы, он не хотел никуда уезжать. Пахнувшие сладким дымом пушистые кусты, под которыми накрыт стол – вот это счастье. А зимой – шепот студеного ветра в печной трубе, тихие белые дороги и огромное чернящее небо, побитое мелкими точками звездочек...

Яшка взял в руки метлу, стал подметать двор. Начал от забора. Поднял пыль, натянул ворот рубашки на нос, оставив на воле одни глаза. Подол рубашки задрался, даря взгляду

Илья Никодимыча темный от загара плоский живот.

Где-то в поле заклекотала какая-то птица. В разные стороны от Яшки с руганью брызнули драные куры. Метла с красивым «шших-шших» рисовала на земле изогнутые следы.

Забыв обо всем на свете, Илья Никодимыч погружался в тягучую пучину сладострастия. Проблемы остались где-то за пределами понимания. Все живы, все здоровы, у всех планы. И у него тоже. И лучше бы, чтобы поскорее.

– Яшк! – позвал он, щурясь на заходящее теплое солнце.

Конюх остановился, посмотрел в сторону хозяина.

– Дело у меня к тебе.

– А чо?

– Я к тебе завтра ночью приду, расскажу. Помойся как следует.

– А мыться-то зачем?

– А пыльно же. Смотри, нагнал тут.

– Это потому, что надо было травой тут все засадить, Илья Никодимыч. Я водой побрызгаю.

– Ты погоди про траву. Ты меня слышал?

– Слышал.

– Вот и мети дальше.

– Хорошо.

– Подметай лучше, чтобы чистота везде светилась.

Все для себя решив, Илья Никодимыч развернулся и зашел в дом. Прислушался, осмотрелся, по-хозяйски отметив,

что ступени, ведущие на террасу, стали скрипеть.

Вслед ему музыкой с неизвестным мотивом бежало затихающее «шшиих-шшиих...».

Ночь утомонила всех обитателей огромного дома. Наработавшись за день, слуги ложились спать засветло, домашние, судя по оглушающей тишине, решили сделать то же самое.

Илья Никодимыч, перекрестившись, сел на край дивана у себя в кабинете. Он решил, что пойдет к Яшке сегодня, а не завтра, но позже, сведя риск встретить кого-то на пути. А дальше будь что будет.

Часы показывали половину второго ночи. Илья Никодимыч к этому времени уже раз пять переменял решение.

В два часа он стал потихоньку прикладываться к бутылке коньяка, которую жена берегла для лечения зимней простуды, и которую он благополучно свистнул сегодня из кухонного шкафа.

К трем часам пополуночи, основательно накачавшись алкоголем и смелостью, Илья Никодимыч стал медленно продвигаться к выходу из дома. Он шел мелкими шагами, держа в одной руке зажженную свечечку, а в другой бутылку. Глаза при этом у него были выпучены, взгляд выхватывал из плохо озаряемого слабым свечением пламени маршрута все его изгибы. Путь напрямую вел к исполнению желаний, но Илья Никодимыч все же трусил. Он испытывал страх быть

отвергнутым, и, как следствие, испытать сильное чувство позорящей его беспомощности, но все равно упрямо шел через комнаты и коридоры, кляня на чем свет стоит скрипящие ступени террасы, до которых еще не добрался.

Где-то, ему показалось, хлопнули дверью, мягко и негромко. Илья Никодимыч заметался на ровном месте, прикладываясь то боком к стене, то натыкаясь на стулья или край комода. Создавая шум, он, тем не менее, прекрасно слышал, что какая-то не спящая сволочь, как нарочно, идет в его сторону. Мысли о том, что он тут хозяин, и объяснять никому ничего не обязан, в его голове не возникло. Страхась того, что любой сейчас сразу поймет, куда и к кому он направляется, Илья Никодимыч в два прыжка преодолел расстояние до входной двери, рванул в сторону защелку и, перепрыгнув через ступеньки, побежал, горячо задыхаясь, к конюшне.

Увидев открытую настежь дверь, он влетел внутрь пушечным ядром, и только потом остановился. Все, приплыли. Теперь отступать было некуда – он пришел, здрасьти. Прикрыв ладонью еле-еле выживший во время своего забега свечной огонек, он осторожно сделал пару шагов вперед. По обе стороны от него в денниках стояли лошади, которые никак на него не отреагировали. Комната, в которой обитал Яшка, была в противоположном конце конюшни, и Илья Никодимыч, поняв, во что ввязал сам себя, уже почти пожалел о принятом решении. Что он, кто он, куда его несет? Ну, по-

явится он на пороге Яшкиной каморки, а потом-то что? Как он будет говорить слуге о том, что утоп в веснушках, которыми неравномерно усыпана Яшкина кожа, и о том, что он с какого-то настроения вдруг стал для Ильи Никодимыча ближе, чем кто-то еще? И что его хозяину просто хочется немножко ласки, от него хочется, от молодого и сильного, ласки трепетной, нежной и совсем короткой? И, главное, не женской?

Рука его легла за дощатую поверхность двери и осторожно ее оттолкнула.

– Папа, что ты здесь делаешь?..

Илья Никодимыч похолодел и медленно поднял руку со свечой вверх. Комнатка была крохотной, Яшка тут только ночевал, а для этого много места не надо. Свет тут же рассыпался дрожью по потолку и стенам.

Сначала Илья Никодимыч увидел сына. Сразу не узнал, пришлось взглядеться. Тот факт, что сын не одет, поначалу ускользнул от его внимания, а через пару секунд явился во всем великолепии.

За спиной быстро поднявшегося сына Илья Никодимыч узрел голого перепуганного Яшку, быстро убирающего с лица лохматую челку и неловко пытающегося подтянуть колени к подбородку.

– Это что это тут такое... – прошептал Илья Никодимыч, не в силах оторвать взгляд от конюха. Владимир вскочил на ноги и попытался попасть ногой в брючину. – Эт-то что же тут такое...

Он повторил это еще пару раз, а потом замолчал, припиленный увиденным, стараясь аккуратно расставить все по местам. Не сходилась, расползалась картина огромными прыгающими по комнатке тенями. Наконец-то справившись с брюками, сын снова открыл взгляду отца Яшку, который попытался было соскочить со своей кровати, но не стал это доделывать, а так и остался сидеть в углу, натянув на себя какую-то ветошь.

Резкий запах конюшни ударил в нос, до этого Илья Никодимыч его не ощущал. Они с сыном стояли друг напротив друга, не решаясь продолжать какие-то действия.

– Матери не говори, – угрожающе произнес сын, медленно накручивая рубашку одной рукой на кулак другой. – Она со мной Яшку отправляет, чтобы я не один там... боится. Мы уезжаем через час. Ты нас больше не увидишь.

Илья Никодимыч вспомнил про бутылку, что была в руке, поставил ее на стол, выдернул пробку и, отставив в сторону руку с источником света, стал пить, запрокинув голову, замуравившись, обливаясь и давясь.

Яшка как сидел на пятой точке, так на ней и подполз к краю кровати. Быстро спустил с нее голые длинные ноги и, прижав к низу живота тряпку, служившую ему одеялом, быстро вышел за дверь. Илья Никодимыч уронил опустевшую бутылку. Сын наклонился, поднял ее и осторожно поставил на стол.

Илья Никодимыч проследил за его движениями. Какой-то

чужой человек был рядом с ним и трогал его вещи. Он пожалел о том, что коньяка не осталось – он мог бы снова задрать голову и пить, пить, пить. Так он бы не должен был смотреть в глаза сыну, который чего-то от него ждал.

«Умереть бы сейчас», подумал Илья Никодимыч, и мысль эта была умиротворяющей. То, что нужно. Казалось, щелкни он пальцами, и свершится. Казалось, что все получится. И не будет тогда этого стыда, теплого и вязкого, плотно обхватившего со спины за плечи своими огромными мягкими ручищами.

Он вышел из комнатки и пошел к выходу. Шел на свет – июньская ночь была короткой, и даже маленькая свечка не могла затмить голубоватый прямоугольник дверного проема.

Вот он, выход.

Оказавшись на улице, он глубоко вздохнул и пошел к спавшему дому. Его накрыла сильная уверенность в том, что он все сделал правильно. Теперь бояться ему нечего, все решилось само собой. А он-то, дурак, волновался, потел, слов не находил...

И, подходя к дому, Илья Никодимыч широко улыбнулся. Искренне, по-детски и ни о чем не сожалея. Такой улыбкой, какие бывают тогда, когда громадная пустота кругом, когда отказывают все органы, когда продано все до последней самой крохотной пылинки, которую называют иногда надеждой.

Удар случился через две недели после отъезда сына. Илья Никодимыч был тогда, слава богу, в доме, а не на улице.

Вызванный врач сказал, что идеальными для него теперь будут две вещи. Внуки и покой. Но так как первое полностью исключает второе, то на все воля божья, но вообще-то сердце у него сильное. Поэтому опасаться нечего, а потом, глядишь, пациент даже в чем-то и восстановится.

Свадьба дочери состоялась осенью. Илья Никодимыч узнал только, что жених молод, не нищ и живет далеко от их имения. Фамилию не вспомнил, но, как сказал врач, такое вполне возможно. И Илье Никодимычу почему-то было все равно, что и как будет дальше. Как отрезало. Заправляла всем теперь его жена. Бывшая московская барышня прекрасного воспитания, влюбившаяся без памяти в молодого провинциала Илюшу, она бросила все и отправилась с ним в деревню, где и прожила более двадцати лет, все еще любя своего мужа, всегда разного, но всегда ей нужного.

Илья Никодимыч наблюдал за торжественными приготовлениями через открытое окно, лежа в супружеской спальне. Так и молодых благословлял, не поднимаясь. Они опустились на колени около постели, выслушали напутствие, поцеловали икону, как велела мать, и – в разгуляево. А он даже не улыбнулся, потому что не очень понимал, что происходит.

Он стал много думать. О том, о чем еще помнил. Это не так трудно было сделать, потому что много говорить он

не мог, и большую часть времени находился в одиночестве. Он вдруг очень пожалел о том, что не может читать, хоть всегда считал чтение чем-то праздным и вовсе ненужным. Он вспоминал, как росли его дети, как с женой они собирали яблоки, а потом все вчетвером шли на речку, чтобы покормить уток. Вспоминал давнюю зиму, толстенские ладные пирожки на белой тарелке и липкие ладошки маленькой дочери, которыми она обнимала его за шею.

А еще он скучал. Он скучал по прошлому так сильно, что начинал плакать, а потом переживал из-за того, что кто-то может заметить на наволочке мокрые следы. Все, что случилось, скручивало его память в тугую веревку, и иногда ему казалось, что как только он сможет встать с постели, он сразу покончит с этим. Ну, как же, как же можно теперь так жить, с такими мыслями, с таким-то прошлым и в таком вот нынешнем положении? Он себе не представлял, как не представлял и того, что у него хватит сил завершить свою жизнь самостоятельно. Другого выхода он почему-то не видел.

Владимир на свадьбу сестры не приехал, но написал матери письмо. В нем он рассказал, что учиться пока что не получается, но он дает уроки детям в небогатых семьях так же, как и она учила его когда-то; что московские родственники живут друг у друга на головах, и поэтому они с Яшей снимают комнатку у одной весьма немолодой и одинокой особы. Она берет с них мало денег, и часто просит уделить ей немного времени – у нее в целом мире никого нет, и общение

ей только в радость. «Яша говорил, что как-то она рассказала ему о своей несчастной любви. Это было с ней в юности во Франции и закончилось весьма плачевно. Ее воспоминания горьки, но полны той самой силой, которая и держит ее, по ее же словам, на этом свете. Она помнит, и это не дает ей покоя. Но тем она и счастлива. У нее это было, ей есть, о чем тосковать. А сколько людей попросту не имеют прошлого, мама, ты думала об этом?»

Теперь, когда я здесь, я много размышляю о том, что заставляет человека делать какие-то важные вещи, либо принимать ответственные решения. Вдумайся, мама. Возможно ли влечение одной человеческой души к другой, невзирая на их природные оболочки? Правильно ли это? Насколько это может быть вредно для тех, кто мучается этими вопросами, испытав это на себе, не спит ночами, не в силах разобраться? А бог? Что же бог, мама? Ты не особенно настаивала на нашем с сестрой религиозном воспитании; говорит ли это о том, что есть в содержимом веры нечто такое, что подвергается сомнению? Насколько плохо быть такими? Как же люди справляются с этим, и надо ли ломать это в себе, если я не приношу никакого вреда никому, кроме себя? Но я же даже этого не ощущаю, и я не знаю, насколько я прав, мама.

Сейчас, когда мы далеко от дома, и нас не отвлекает что-то, мы часто говорим и на эту тему. Яша очень изменился, город облагородил его не хуже весны, которая оде-

вает в свежие наряды природу. Он бреется каждый день, стрижется в бане раз в месяц, куда мы регулярно ходим. Он купил себе пару новых рубашек и содержит их в чистоте и порядке. Иная, чем у нас дома, реальность словно смыла с него какой-то темный налет, остающийся на внутреннем облике человека после тяжелой физической работы. Наша хозяйка учит его грамоте, и он делает успехи. Немного позже я планирую немного обучить его некоторым точным наукам, либо же дать о них хоть какое-то представление – он на многое способен и тверд во многих своих решениях. Можно сказать, что он дополняет меня и мои стремления, окружая наше совместное проживание заботой, и увереннее меня стоит на земле.

Мама, передавай папе огромный привет, поцелуй его от меня. Сейчас я обучаю немецкому двух девочек, к которым очень нежно отношусь, и постоянно вспоминаю тебя. Ты бы им понравилась. Они обе обливаются к моему приходу ужасными духами, а одна из них совершенно серьезно мечтает стать писательницей. Скоро, я думаю, я смогу выслать вам деньги, которые помогут наладить ваше положение. А пока что я способен лишь на свое искреннее и душевное «люблю» от себя лично и от того, с кем, скорее всего, я буду счастлив, на что я очень сильно надеюсь».

Жена Ильи Никодимыча прочла ему всего лишь один абзац из этого письма. Он был наполнен тревогой, сожалением

и добрыми пожеланиями здоровья всем тем, кто «умеет хранить чужие тайны в самых дальних и не доступных другим закоулках памяти. Там, где выживает только настоящее чувство, которое невозможно расценить с научной точки зрения, поддержать в руках или навязать другому человеку. Мне кажется, мама, я почти в этом уверен, и я думаю, что не ошибаюсь... что это и есть любовь».

© ам
2014

Игрушечное сердце

К Орловым приехал сын. В поселке знали об этом заранее. Его мать поделилась с соседкой, рассказала, что ждет Виктора через пару недель, ну и понеслось по деревне еще не случившееся событие. Отец по такому случаю начал бодро подколачивать баньку, выравнивать забор, тщательно облагораживать прилегающую к дому территорию, мимоходом поругивая жену, мол, развела тут. В общем, постарался занять себя по полной, сгладив таким образом муки ожидания приезда сына. Не виделись долго, а через телефонный аппарат было ни обнять, ни в глаза друг другу посмотреть.

Приехал Виктор не один, а с другом. По такому случаю был прямо за домом, за комковатыми укропными грядками, под яблонево́й дичкой накрыт стол, а к столу потянулись и те, кто помнил Виктора с детства. Пришли никуда не уехавшие из села Витькины друзья, отцовские товарищи, а материны подружки приходили не с пустыми руками: кто кузовок с золотым крыжовником притащит, кто вдруг принесет теплые, в масляной испарине, оладьи, а кто-то вдруг вспоминал о том, что когда-то Витькины родители одолжили им соль, и должок надо вернуть именно теперь.

За столом, в общем, было весело. Соседки пришли с внуками, которых им подкинули взрослые дети. С постным выражением лица роняли фразы о том, что дети на кипрах да

в египтах, а за границу с маленьким ребенком ехать не надо, и отдохнуть не даст, да и делать там особенно нечего, ну что там море – море будет позже, а своего-подножного ничто не заменит, и тут, на природе, для ребенка самый кайф: воздух, ягоды, песочница, парное молоко. Внуки плевать хотели на парное молоко, досадливо уворачивались от мягких бабушкиных рук, смотрели в сторону калитки, хотели на волю, а не сидеть рядом с взрослыми, которые изрядно достали.

Виктор охотно отвечал на вопросы желающих узнать о том, что там и как в Москве. Москва, конечно, это другая планета. Спрашивали небрежно, а вот ответы глотали жадно – контингент за столом собрался малоподвижный. В райцентр смотаться или куда еще – и то, только за справкой какой или за чем-то, без чего ну вот прямо никак. А дальше... Да что мы там не видели-то, в этих городах? Виктор вежливо и с пониманием отвечал на поставленные вопросы. Да, работает. Да, работы много. Квартира, да. Купил, ну, а сколько можно-то без своего угла? Нет, машина, на которой приехали, не его, а друга. Познакомьтесь, кстати, это Олег. Да, работаем вместе. Нет, он не женат. А цены в Москве не дай бог каждому, все верно, но и за пределами, знаете ли. И жара в городе сильнее чувствуется. Нет, не женился, ну что вы, как-то ни времени, ни желания... Но все возможно, правда? Простите, что? Нет, о политике говорить не хочется. А давайте еще накатим за встречу?

Когда гости разошлись, сын с другом помогли матери

Виктора убрать со стола, сходили на речку-вонючку, завернули в лес, вернулись веселые и очень уставшие. Надышались чистым кислородом на год вперед. Олег, человек городской, пошел спать, а Виктор остался посидеть со своими.

Совсем стемнело и он поделился с родителями. Открыл тайну. Сказал, что не хотел обсуждать это за столом при всех. А вот им можно. Просто он встретил человека, с которым у него что-то, похоже, складывается. Хороший человек, мам. Обязательно расскажу, но не сейчас. Сейчас только бы не сглазить, потому что чувства сильные и радоваться заранее страшно. А если серьезно, то все настолько неопределенно, что он сам ничего еще не знает. Но он обязательно расскажет, дайте только время, ну, пап.

Орловы пошли спать, чувствуя тепло в области сердца. Родители затаили дыхание – Виктору было почти тридцать, и они давно не лезли в его жизнь. С тех пор как уехал, так и не лезли, хотя хотелось. Но все – оторвался от них. Отрывался сын от прежней жизни частями. То тут отрежет, то там откажется. Звонил все реже, мать плакала все чаще, отец даже перестал ругать ее за то, что слишком часто строит какие-то планы, которые не сбываются. Не приедет он летом. Не к ним. С кем-то другим проведет новогодние праздники, ее день рождения или свой. На связи пару раз в год – и то хорошо. Бывает так, что и этого нет, а вот их Витька все же хороший сын. И деньги, бывает, присылает. Привыкнем, мать. Не реви, мы свое дело сделали, теперь только ожидать, как

с фронта писем. И они непременно будут.

И они почти смирились, что так теперь и пойдет, что он там, а они здесь, но вдруг он приехал и все стало как раньше. И хоть и хочется им поделиться с кем-то, но он просил пока не озвучивать. Значит, хорошо. Ладно, значит. Пусть. Сам разберется, а им большего и не нужно.

Ночь была темной, а тишина над поселком абсолютной. В глубоком овраге под старинной деревенской церковью три человека уговаривали вторую бутылку водки. Не спалось. Разговоры велись ни о чем, темы сбивали одну другую, особенно, когда начинали вспоминать прошлое или какую-то дату, когда происходило обсуждаемое событие. Дошло и до Виктора.

– Зазнался, – резюмировал Пашка, который был знаменит тем, что однажды пытался продать совхозный комбайн на сайте авито точка ру. Просил он за него ни много, ни мало, а полтора миллиона евро. Пашкина жена, узнав об этом от пьяного мужа, объявление удалила, но он восстановил, ругаясь на дурную женщину, ничего не смыслящую ни в экономике, ни в семейной жизни. Когда она пригрозила разводом, отступил, но вопиющий случай шантажа ей при случае припоминал.

– Да не, не зазнался, – возразил второй собутыльник, носивший фамилию Кулибин, который недавно в четвертый раз стал дедом. Дочь и внуки жили в соседнем доме, и он

был счастлив, что они остались рядом, но не настолько, чтобы с утра слышать прямо над ухом дикий, по его мнению, детский визг. – Я сегодня к ним заходил, он мне руку пожал. И друг его тоже нормальный мужик такой. На шашлыки приглашали, пойду.

Третий участник слушал диалог товарищей молча. Только глушил водку в одно рыло, уже не призывая друзей присоединиться. В свое время девятиклассник Витька Орлов проигнорировал приглашение прийти к нему на день рождения. Выбрал дискотеку, на которой тусовался со старшими ребятами. Сейчас третий, которого с детства унижительно называли Юрочкой из-за крайней мелкости строения скелета, про это вспомнил.

– Не нравится мне все это, – тихо сказал он, ни к кому не обращаясь. В темноте светилась только его бежевая ветровка, лица видно не было. – Не нравится. Никто не задавался вопросом, почему он из города не с бабой приехал?

Друзья пожали плечами.

– С бабами вовсе не обязательно, – сказал дед четырех внуков. – Можно и с друзьями, почему бы и нет? Ты сам тут, небось, не с Дуськами сидишь, – и он толкнул локтем Пашку, призывая того вместе посмеяться над своей смешной шуткой.

– Согласен, – подал голос Пашка. – Может, не складывается у человека. Моя вон к сестре не поехала в райцентр в больницу, что-то на работе. Просила – нет, не дали за свой

счет.

– За свой счет, и даже не дали? – ахнул Кулибин и забросил в рот сухарик со вкусом семги, который вдруг нашел в кармане.

– Не дали! – отчаянно рубанул Пашка.

– От суки что творят, – печально покачал головой Кулибин.

– «Не скла-а-адывается...» – протянул Юрочка. – Вы его хоть поближе разглядывали? А то сразу «Виктор, город, два ствола». Он же... рожа у него бетонная стала.

– Это как? – не понял Пашка.

– А чего его разглядывать? – усмехнулся Кулибин. – Не монумент приехал.

– Друг у него этот, – не унимался Юрочка. – Есть там что-то, жопой чую. Молчаливый слишком. И уж слишком хозяйственный.

– Да тебя там и не было, – Кулибин решительно взялся за бутылку. Пашка с готовностью протянул свой стакан. – В гости человек приехал, тебе-то что?

– Не было, да, – процедил Юрочка. – И не потому, что не позвали, а потому, что делать мне там нечего. И видеть не надо. Проехали мимо на машине, и достаточно.

– Ты к чему клонишь-то? – хрипло спросил Пашка. Выпить выпил, а закусить не успел, и теперь судорожно отковыривал кусочек от серого хлебного «кирпича», купленного на закуску. – Я что-то не пойму. Настроение плохое, что ли?

Сарай совсем обвалился, да? Завтра зайду, поправим. Да его уже сносить надо. У вас же баня хорошая, – оживился он. – Давай помогу, вон Кулибина возьмем, с тебя пиво, с нас гвозди.

– Пидорасы они, вот что, – тихо произнес Юрочка. – Пидорасы, бл**ь, вонючие.

– Ну, ты что говоришь-то такое, – с осуждением в голосе одернул его Кулибин. – Тебе-то откуда знать?

– Знаю...

– Нельзя так.

Юрочка смотрел в темноту, но перед глазами танцевали неясные цветные пятна. Не пьянелось, несмотря на то, что сначала привычная легкость после выпитого все же появилась. А потом вдруг накрыло, и он понял, что теперь пей или не пей, это не пройдет. Прежние обиды родом из детства затайливо сложились в почти что ненависть к Витьке, который тут уже гость, а не местный житель. Чужой. Вспомнились его вечно строгие родители, крепкий дом, чистота какая-то во всем, вечно упорядоченный огород. У Юрочки огород тоже был, только вот дома его никто не ждал. Кулибин утверждал, что свое счастье Юрочка потерял давно, когда предпочел соседке-ровеснице приехавшую на лето в поселок москвичку. У той был ребеночек, которого что-то мучило, то ли астма, то ли аллергия. И Юрочка тогда погиб. Перетаскал москвичке все яблоки из своего садика, угощал пахучей малинкой и упругой смородиной, обдирая кусты до нитки.

Себе не оставил ничего, а ей словно бы через подношения говорил, что он на все готов. А она благодарила, благодарила, а потом взяла и уехала. Без «спасибо», без «приезжай», без «вернусь». Юрочка выдул тогда весь ассортимент винного отдела в магазине. В одно лицо. За неделю. А утешаться сунулся к забытой им соседке, но она к тому моменту уже все про него решила, и остался Юрочка совсем один.

Увидев Витьку в салоне большой дорогой машины, он сначала испытал что-то вроде радости. Подумал, что новое – это практически всегда хорошо забытое старое. В поселке было скучно, будущее и настоящее навсегда слились и склеились в смертельном экстазе. И если у кого-то рождались дети и внуки, то у Юрочки за последние несколько лет даже рубашки новой не завелось. И при виде Виктора появилось желание пообщаться с ним. Поговорить, посеCRETничать. Представил, как они с ним сядут на лавочку около Юрочкиного дома, откроют пива, закурят сначала по первой, потом по второй – и чья-то жизнь покатится по новой и светлой дороге. Юрочка осознал, что ему нужно определиться с направлением для дальнейшего личностного развития, для будущих успешных начинаний. Он хотел «подключиться» к Орлову и зарядиться от него смыслом жизни. У них бы получилось, но Орлов даже не кивнул ему. Посмотрел из окна, но не крикнул, не махнул рукой. Увидел мимо – по-другому и не скажешь. Забыл, что живет на свете такой Юрка, и, кажется, вспоминать о нем не собирался.

Юрочка докурил и вмял сигаретный огонек в землю. Кулибин и Пашка, не сговариваясь, посмотрели на часы.

– Ух, ты, – сказал Пашка. – Моя меня опять гасить будет.

Кулибин поднялся с перевернутого цинкового ведра, на котором сидел.

– Я тоже пойду.

Юрочка не двинулся с места.

– Счастливо, мужики, – тихо сказал он. – Я еще посижу.

Мужики уговаривать не стали. Видели, что в этот раз Юрочка сидит ровно. Значит, не загремит лицом в лопухи по пути домой, как бывало не раз. Не завалится, хотя и пил с ними наравне. Сам дорогу найдет, не потеряется. Да тут вон все рядом.

Виктор не сразу понял, что происходит. Его толкнули в спину раз, потом второй и что-то кричали. Стряхнув сон, он понял, что в комнате, где они с другом устроились на ночь, горит свет. Сел рывком на постели. Тут же зачесались глаза и он увидел, что вокруг полно дыма.

– Откуда дым-то? – тревожно спросил его Олег. – Горим, что-ли?!

Виктор попытался вдохнуть, закашлялся и, окончательно проснувшись, подорвался, бросившись к двери:

– Олег, машину отгоняй! Я своих проверю!

Он выскочил в коридор и понял, что дело совсем плохо. Удушливый дымовой туман плотно набился в коридор,

дышать было почти невозможно, и Виктор пригнулся ниже к полу, – туда, где, как помнил откуда-то, есть шанс выжить. Пробираясь вперед, он думал только о том, что мать с отцом, возможно, спят, и еще не знают, что происходит. Где горит, откуда валит такая дымовуха, он не понял, попытался оглядеться, и вдруг нашел. Из-под широкой щели, что была под закрытой дверью, ведущей на террасу, виднелись рыжие танцующие пятна. Горело, без сомнения, там очень сильно, и по тихому треску, доносившемуся с терраски, Виктор понял, что доме самый настоящий пожар.

Двигаться надо было быстро. Слава богу, что комната родителей была через дверь, и он, схватившись за ручку, попытался ее открыть.

Заперто. Да не запирались они никогда!

На улице послышались крики и, кажется, рев мотора. Значит, Олег все же смог выбраться, и теперь спасал свою машину, которую на ночь загнал прямо к крыльцу дома.

– Мать! – закричал Виктор и закашлялся, пытаясь выбить плечом дверь. – Мать! Пап! Ээээй!

Проклиная построенный на совесть дом, он ломился в родительскую спальню, уже не чувствуя боли в плече. Из глаз градом катились слезы. Отступив на шаг, он попытался выбить дверь ногой.

У него получилось. Сразу оценил, что сюда страшный дым со всей своей силой еще не добрался – в воздухе пахло гарью, видно было плохо, но тут еще был не тот ад, который

творился в коридоре. Виктор быстро прикрыл дверь и бросился к кровати родителей.

Ему удалось их успокоить. Хотя бы для начала. Быстро открыв окно, он крикнул в ночь, надеясь, что снаружи уже кто-то есть, и вскоре подбежавшие люди подволокли снаружи к стене дома перевернутую старую ржавую бочку, в которую собиралась дождевая вода, и на которую первой ступила из окна мать. Передав ее в руки соседей, Виктор повернулся к отцу. Дрожащий, старый человек в белой майке и синих сатиновых трусах, он вцепился сыну в руку:

– А ты?

– Давай, пап, – недовольно скомандовал Виктор. – Я следом.

Он помог отцу взобраться на подоконник. С улицы вверх тянулись несколько рук.

– Давай, Егор Данилыч! – с ободряющим смешком донеслось до перепуганного пожилого мужчины из темноты. Лица было не разобрать. – Примем как роды у Девы Марии! Хоть пожар, хоть Пришествие, все одно – мальчик.

– Галя... – тихо позвал Егор Данилыч жену и, осознав весь ужас, подорвался, отталкивая руки сына. – Галя где?

– Мать уже там, – кашляя, с трудом ответил Виктор, пытаясь разогнать дым рукой. – Пап, времени нет, быстрее!

Отца приняли достойно. Это Виктор успел заметить.

В последний раз оглядев комнату, он вспомнил про кошку, которую не видел с вечера. И тут же осенило: в его ком-

нате осталась сумка, а там документы.

Он осмотрелся, увидел на полке икону, а рядом чашку с водой. Стянул в себя майку, вылил на нее воду и, прижимая мокрую ткань к лицу, потянул на себя дверь.

Последнее, что он слышал, были крики людей. Дом тушили. Мать с отцом были снаружи. Машина, Олег – тут тоже все в порядке.

Смотреть куда идет он уже не мог – глаза жрал теперь не только дым, а сильнейший жар. Трещало со всех сторон, но у него даже мысли не было отказаться от своей затеи. Документы – это важно. Людей в доме больше нет, осталось только взять то, что нужно, а он еще и из сумки не вынимал. А стоит она прямо под окном. Значит, ему надо будет взять ее и сразу на выход. Разбить окно – это так просто. А если Олег смог выйти, то там уже и окна нет. Вот только глаза, черт... глаза...

К утру от участка Орловых ничего не осталось. Пожарники тушили уже развалившееся строение с рухнувшей внутрь крышей.

На рассвете увезли на «Скорой» мать Виктора. Егор Данилыч сидел около поваленного забора на старой садовой табуретке и не сводил взгляда с черного дымящегося пожара. Рядом стояла одна из соседок.

– Пойдем к нам, – твердила она. – Пойдем, говорю. Вымойся, поспи. А потом в больницу поедем, если хочешь.

Пойдем, Егор Данилыч. Пожалуйста. Милиции скажем, что ты у нас, вон пусть Мамаевы передадут. Ох, ты ж, господи. Пойдем, Егор Данилыч. Поднимайся.

Она уговаривала его долгое время, а он не отвечал, только смотрел на то, что осталось от его дома, и не мог понять, как же вышло, что вчера вот тут стоял стол, было солнечно, Виктор наливал ему квас и под шумок, чтобы никто не видел, сливал в него свой коньяк.

– Пап, если мать увидит...

– А ты ори погромче.

Сын отвлекал мать разговорами, Егор Данилыч быстро опрокидывал в себя «коктейль», и всем было хорошо. Заговор – оно всегда приятно. А уж если в союзниках родной сын...

Олег звонок откладывал. Всякий раз, вспоминая, что должен, тогда же и откладывал. Не мог сказать Татьяне, что с Виктором случилась беда, не знал, как люди объявляют кому-то такие новости. Поэтому решил связаться с ней тогда, когда до Москвы останется пара километров. Возможно, это было малодушно с его стороны. Она ведь спросит, что и как, ему придется объяснять, а потом наверняка будет выжмет из него все, а бонусом к этому и адрес, а ей нельзя сюда, не надо. Но, уговаривая себя, словно пытаюсь оправдаться перед кем-то, он знал наверняка: она все равно сделает так, как посчитает нужным. А он заткнется, еще и виной пода-

вится.

Они хотели приехать сюда еще и осенью. Витька обещал потрясающую рыбалку и тонну шашлыков. Словами так разрисовал осенний лес, что дух захватило. А еще клялся, что всех утопит в яблоках и сливах, испеченных в знойном прелом мареве медово-коричной осени. Так расписал все, что стоворились сразу: едем, и точка. Девчонки настроились, мечтали что-то там заранее. Они бы прекрасно отдохнули за эту осеннюю неделю. Им бы тут были рады, напрягаться бы не пришлось наверняка. Все было бы совсем скоро, лето-то уже зенит свой отыграло, отзвенело, откричало. Никто и подумать не мог, что вот так все...

Если бы не произошло то, что случилось буквально несколько часов назад. Никто и не ждал. Никто даже и не думал...

Кулибин еще не уснул, когда все началось. И как увидел из окна зарево, так сразу и бросился в ту сторону, только в резиновые сапоги и успел впрыгнуть. Там-то, примериваясь и не зная, чем помочь, он и узнал от людей, что еще вечером все было нормально, а теперь творится черти что. Сами Орловы живы, а вот где Виктор, никто не знает. Даже его друг. Он вообще, кстати, сволочь еще та – пока все тут собирались, машину отгонял. Кому что. Ценности теперь у всех разные. Кому люди, а кому вещи. Вот и они, соседи, если бы не пришли, то Орловы бы заживо сгорели, потому

что спуститься пожилым людям с такой высоты было бы самым просто невозможно. А ребята вытащили. Соседские ребята, Мамаевы. Кто-то видел, как они окно разбили снаружи, кто-то из них внутрь пролез и всех разбудил, а потом и вытащил. А вообще это все, что угодно, может быть. От проводки до окурка. Да и пили вчера, хорошо пили, что уж тут. Не поджог же, в самом-то деле. Все же люди не звери. Да и за что? Назовите хотя бы одну причину?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.